

Известия, — 1999, — 30 ЯНВ, — С. 7

Маленькая великая женщина

Мы договорились о встрече в Большом. Я прождала три часа и, когда увидела, в первую секунду не узнала: настолько усталой выглядела эта хрупкая маленькая женщина. Ни о малейшем угоре и мысли не было. Уважение и сочувствие только. Урок, репетиция, помчалась в мастерские, по дороге лопнуло колесо — через несколько дней 1 февраля, и огромный транспарант уже висит на театре: народной артистке СССР, лауреату Государственных премий СССР и России, профессору Екатерине Максимовой — 60.

ИТАР-ТАСС

— Катя, когда вы так безумно устаете, вы спите или мучает бессонница?

— Нет, вот ужасно, что я уже и не сплю. Я на сновторных с двадцати лет.

— Вы приходите и глотаете таблеточку?

— Обязательно.

— Сны снятся?

— Иногда да, иногда нет. Что-то с продолжением. Что-то связано с жизнью, что-то фантастическое...

— Вы человек суверенный, мистический?

— Не знаю. Вчера прочитала, что сегодня ужасный-ужасный день: ничего не предпринимайте. Как с утра началось — кончилось проколом колеса. Сейчас сигарету выкурю, приду в себя. Иногда прихожу в театр: все едет. Ну, думаю, давление, сил нет, надо кончать. А мои девочки: ой, мне так плохо, у меня голова кружится!.. Я думаю: ну, значит, я еще не умираю, надо себя взять в руки.

— Катя, а вы чувствуете, что вам 60 лет?

— То есть нет совсем. Чувствую, что... странно... Я спокойно к этому отношусь. Силы есть, я работаю. Я головой все понимаю, но... В зеркало посмотришь на себя... Но я стараюсь не смотреть. Если выбирать, если есть силы, на что-то другое тратишь, а не на то, чтобы следить за собой. Никогда в жизни не было ни массажистки, ни парикмахера, никогда причесок не делала, челку подрежу — и все. Все собираюсь заняться собой, но не получается.

— Ваша мама рассказывала, что вы были сорванцом в детстве...

— Да-да-да, в школе я ходила то с подвязанной рукой, то голову кто-то проломил... Кстате, мне так и говорили: Господи, когда ж ты голову сломаешь!

— Тогда сорванец — кто теперь? Солидная женщина, профессор?

— Н-нет!.. (Смеется.) Сказать, что я солидная женщина... Нет, я профессор, я знаю это, но как-то... Сорванец, но потом балет все это вытеснил...

— Стало быть, просто балерина?

— Ну, балерина... Человек, который работает. Человек, который обязан что-то делать.

— Вы человек долга или страстей?

— Нет, я человек долга. Я обязана, я должна — это чувство сильно развито.

— А страсти?

— Ну бывают. Но впереди всего обязательства. Если я за что-то беруся, я это делаю очень досконально. Случай, когда я что-то бросила на середине, можно пересчитать по пальцам. И для меня это было безумно мучительно. Я человек, в чем-то уверенный и неуверенный, даже в работе я не сразу решалась, у меня каждый раз сомнения: нет-нет, что вы, я не смогу! Слава Богу, что вокруг меня всегда были люди, у которых хватало терпения и, по всей вероятности, веры в меня. Они доказывали: нет, ты должна. Я: хорошо, я могу попробовать, но все равно... Но если я уж начинала...

— Вы как стойкий оловянный солдатик...

— Наверное, и в жизни у меня те же качества. Вот говорят: узелки развязать или разрезать? Так вот, я их развязываю. Хотя это иногда даже бессмысленно. Ну какая-то веревка, которой завязан торт. Я буду развязывать. Наверное, черта характера. Внутренне злюсь. Я беру какую-то книгу. Я вижу, что это ужасная книга, меня это мучает, я начинаю дергаться, но я дочитаю ее до конца.

— Не бывало, чтобы какая-то страсть вас вела? Именно это, а остальное пусть летит в тартарары?

— Любимый спектакль, который я готовила. Если я бралась, что ка-

сается профессии, то все подчинено этому, я ото всего отказывалась, концентрировалась стопроцентно. Другое дело, что меня опять терзали сомнения. Я что-то пробовала, и мне казалось, ничего не получится, зачем я за это взялась...

— Катя, а миг торжества при этом случался? Вот победила — сама себя?

— Не знаю... Да нет, наверное... Ну, конечно, когда спектакль, и он закончился... Но это слишком коротко. И не было ни одного спектакля, чтобы я станцевала и сказала: вот, я сделала все. Наоборот. Я станцевала спектакль, но...

— Большую ли роль сыграла в вашей жизни Галина Сергеевна Уланова?

— Безусловно. Не то, что я делала что-то, потому что Галина Сергеевна. Даже то, как Галина Сергеевна что-то делала, ложилось, ну, на мой характер. Поэтому такая стыковка, что ли... Галина Сергеевна никогда не говорила «ах». Я помню такой случай. То есть это было всегда, она всегда приходила, разбирала спектакль, делала какие-то замечания, пока мне голову разбирали. У меня была парикмахерша, которая все эти шпильки вытаскивала, и портнича моя, они ко мне относились, как к своему ребенку, потому что со школы меня знали и долго со мной работали. И вот Галина Сергеевна, как всегда, приходит, садится в креслице: ну ты знаешь, очень хороший сегодня спектакль был, молодец, но... В общем, пока мне все эти шпильки не вынули, она говорила: это не так, это не так, вот здесь ты совершенно не попала, здесь... И вот эта женщина слушала-слушала, потом говорит: Галина Сергеевна, а что ж вы сказали, что она хорошо сегодня станцевала, если все было не так? Галина Сергеевна говорит: нет-нет-нет, все очень хорошо!.. Идеала нет, он недостижим. Поэтому абсолютно нормально: это стало лучше, значит вылезает то, может быть, крохи, но...

— Катя, это свойственно вообще артисткам балета — такая скрупулезность?

— Не знаю. Я думаю, это чисто индивидуально. Молодежь сейчас приходит: ну как прошел спектакль? — как, вы не были? потрясающе, гениально! И в наше время были такие люди, и до нас были. — **Когда умерла Галина Сергеевна, это было большой потерей для вас? Или вы уже отделились друг от друга?** — Так сложились обстоятельства, не от меня зависящие, что мы с Галиной Сергеевной — кроме профессиональных отношений — были близки чисто по-человечески. Я обо всем с ней советовалась, мне ее мнение было очень небезразлично. Даже в каких-то поступках: не дай Бог, я что-то сделаю, что Галине Сергеевне будет за меня стыдно. Я на это оглядывалась. Но жизнь есть жизнь. Последние годы у нас уже не было той близости. Моя любовь к ней сохранилась, не говоря об уважении и благодарности, но это уже было в другом измерении. Переживала я... я не могла сказать, что была к этому равнодушной: нет, мол, и не надо — такого не было. Ее не хватало. Она слишком много в моей жизни значила.

— Она сама вам не звонила?

— Нет. У каждого своя жизнь, люди сходятся-расходятся. У меня никаких претензий... их и быть не могло. Смерть была, конечно, большим ударом. Всегда где-то оставалась надежда, что этот период пройдет, и опять будет другое... Когда она ушла, мы были как-то далеко... В общем, для меня это было непростое.

— Плакали?

— Я редко плачу. Может, от характера зависит. Я не плачу, когда

очень больно. Я могу терпеть боль. Я могу заплакать или когда меня что-то трогает, или когда я чувствую бессилие. Внутренне у меня есть сила воли, у меня есть характер. Поэтому когда бывают жизненные невзгоды, болезни, я, наоборот, собираюсь, концентрируюсь и стараюсь это превозмочь, сделать все возможное. И здесь уж я плакать не буду. А когда вот я чувствую около себя несправедливость и в то же время полное бессилие что-то изменить — вот тогда я могу заплакать.

— У вас есть сильный друг — мама?

— Да. У нее сильный характер.

— Какая-то была история, когда она в аварию попала... или это вы попали?..

— И я. И мама. Я и в аварии попала, и ломалась, и травмировалась...

— У вас что-то ужасное было, когда вы поломали позвоночник?

— У мамы был перелом позвоночка. У меня не было. У меня позвоночник выскочил. Я долго лежала в больнице, говорили, что не смогу танцевать. Но я встала и смогла. А мама попала в аварию в Щельково, в нашем любимом месте — это 560 км от Москвы. Мы с Володей привезли ее в Москву. Никакой «скорой помощи», ничего, она об этом и слышать не хотела. Лежала, потом вставала, ходила. Когда ее пытались осмотреть врачи, она вот так подымет ногу, и врачи говорили: нет, конечно, если перелом, человек так двигаться не может, но по всем симптомам у нее перелом.

— Всегда о маме и ничего о папе. Кто был папа?

— Они разошлись. Я его не помню. Я думаю, мама заслуга, мама воля в том, что никаких комплексов по этому поводу не было. У моих сверстниц были и сломы, и рыдания, что вот, надо искать отца, была ущемленность. Мама меня так растила и воспитывала, что ничего этого не было.

— Катя, а какие отношения у вас с родственниками — философ Шпетом, музыкантами Зилоти, Рахманиновым? Недавно услышала, как Кома Иванов читал книжку «Шпет в Сибири» и плакал...

— Дедушку я, естественно, не помню. Я родилась в 39-м, а его арестовали в 35-м и в 37-м расстреляли. Дедушка был умный, образованный, эрудированный. Когда я пытаюсь читать какие-то его труды, я абсолютно ничего не понимаю. Я оказалась необразован-

ным человеком, к сожалению. У нас в семье никто не скрывал, что эти люди — родня, что мои двоюродные бабушки и дедушки все уехали за границу. Но в то время это не афишировалось. Кого-то я встречала потом за границей. Слава Богу, возвращаются времена, когда выясняют, кто дед, кто прадед. В наше время люди моего поколения этого не знали и не интересовались. Для меня это было дальнейшее развитие. А воспользоваться этим... Наверное, такое было воспитание, что... я должна жить свою жизнь.

— У вас в характере был инстинкт цели? Вы сами захотели в балет?

— Да.

— Ради славы?

— Нет, абсолютно. Мне хотелось танцевать — все. Но думать: только стать великой — нет. Когда взяла в Большой театр, я была счастлива. Но я не думала, что обязана стать солисткой. В кордебалет — буду в кордебалете работать. Если бы меня не взяли в Большой театр — а тогда распределяли — я бы, не задумываясь, поехала в другой город. Где бы я была нужна. Я всегда работала там, где я нужна.

— Чувство востребованности дорого вам?

— Ну конечно. В Большом театре всегда сложная жизнь. Много народу. Все талантливые, все гениальные. И не бывает много спектаклей. Я знаю людей, которые: если танцевать, только в Большом театре. Этого у меня не было. Я безумно люблю Большой театр. Вся жизнь прошла с Большим театром. И победы, и горести — все что хотите. Но если меня звали, а я знала, что сегодня у меня нет спектакля в Большом театре, а с такой же отдачей танцевала в другом месте. Никакого комплекса по этому поводу у меня не было. Так и получилось. Были разные периоды. Слава Богу, я много лет работала с Касаткиной и Васильевым, мы много ездили, у меня появился новый репертуар, и я им безумно благодарна за это. Я люблю Большой театр за его нутро, а не за колонны. Когда у него не было надобности во мне, я уходила куда-то. Когда меня позвали в Кремлевский балет, я работала там 9 лет. Никакой обиды.

— А вообще вас легко обидеть? По жизни обиды помните?

— Да. Не то что меня легко обидеть. Но есть какие-то вещи в жизни, которые я не прощаю и не могу простить. Может, я чересчур категорична, не знаю, я могу многое терпеть, и не обращать внимания,

и забывая, но если что-то меня задело...

— Что вас ранит?

— Предательство. И как раз со стороны близких людей. Далекий человек сказал про меня вот это. Ну и что? Мало ли что про меня говорят. Я к этому равнодушна. Не нравлюсь я вам — ну не нравлюсь. Не делаете вы для меня — а почему кто-то должен что-то делать. Но когда близкие люди, которым я верю, которые мне дороги, я побегу в любое время дня и ночи, если знаю, что могу им помочь... если вдруг они...

— Вы терпеливы, грустны, раздражительны, веселы?

— Терпелива. Я бываю веселой. Очень люблю повалить дурака. Редко. На работе это себе не позволишь.

— Катя, вы всю жизнь с Володи, ранняя детская любовь — были ли испытания этой любви?

— Ну безусловно. Все было. И у Володи было, и у меня. Жизнь была не безоблачной. Но просто, когда что-то случалось, и наступал момент, когда нужно было решать, понимаешь: это дороже. Это самое главное в жизни. А то что ссорились...

— Я имею в виду даже не ссоры, а когда кто-то появлялся на горизонте...

— Всякое бывало. И у Володи, и у меня. Жизнь не была ровненькая, мягкая, как пуховое одеяло. Я думаю, это нормально, потому что каждый из нас ну... какая-то личность... и у каждого есть и моменты увлечения, неважно, кем-то или чем-то: нет, хочу делать только так. Но потом оказывалось, что в жизни всегда есть что-то главное, без чего ты не можешь.

— Какое чувство в вас было преобладающим? Любовь к жизни, усталость, любопытство, любовь?..

— Наверное, любовь к жизни. Может быть, это уже объединяет и остальное. Но она не может быть абстрактной. Я люблю жизнь, потому что мне это интересно, что-то хочется, что-то любопытно, я что-то еще хочу сделать, я что-то еще хочу узнать... А усталость — она всегда была, у нас профессия такая — уставать.

— Отчаяние бывало?

— Бывало. Бывало.

— А если говорить о том, от чего вы получали самую большую радость?

— От людей, от отношений. К людям я отношусь с большим трепетом. Тем более что жизнь идет, многие ушли. Когда начинаются потери, начинаешь ценить все иначе...

— А теперешние ученицы — я так понимаю, что вы вкладываете в них? Вы любите этих детей?

— Да, да, да. Если бы я их не любила и если бы не получала отдачи, не чувствовала, что это им нужно, я бы все бросила.

— И чем бы вы тогда занимались?

— Чем бы занималась? Я бы жила. Я бы жила как нормальный человек. Я бы ездила за город, я бы читала книги, я бы ходила в театр, я бы ходила в гости, гости приходили бы ко мне. В жизни так много интересного, я это все люблю.

— А если б вы не были балериной...

— ...кем бы я стала? Я не знаю. Это трудный вопрос. Очень много интересных профессий.

— Дневник не ведете?

— К сожалению, нет. И писем не пишу. Всегда некогда. И сейчас не хватает времени. Когда танцевали, думали: вот уйдем на пенсию, будет много времени... Была мечта: на пенсию начать шить. Васильев лет 15—20 назад купил мне во Франции — тогда они только-только начали появляться — швейную машинку с цифровым устройством. Вот она стоит. Сейчас я занимаюсь тем, что зашиваю дырки, все штопаю...

— Пачки?

— Да нет, у Васильева вечно что-то оторвано, у мамы что-то оторвалось, у меня... всю жизнь, пока я танцевала, я шила балетные туфли. Васильев смеялся: ты половину жизни потратила на балет, половину — на шитье туфель.

— А откуда любовь к куклам? У вас в доме везде куклы...

— Не знаю. Я даже не могу ска-

зать, что это моя любовь. И маленькой особенно не играла в куклы. У меня были другие забавы. А это подарки. Кроме кукол, масса мелочей, дом захламлен. Но когда кто-то что-то дарит, это связано с событием, спектаклем, поездкой, с каким-то человеком, — выбросить это рука не поднимается. У меня вообще любовь к старым вещам. Я и хожу все время в старых вещах. Я покупаю новую вещь и могу ее подарить, а старое лежит. Надо мной все смеются: у меня есть две пары брюк эластичных, купленных в 59-м году, помните, на штрипочках, писк моды, они все разорвались, но на колени я нашила заплатки, на попке у меня заплатка, и за грибами я хожу только в этих штанах...

— Хорошо, что за грибами, а...

— ...а не в Большой, я понимаю. Вечно я хожу в чем-то, думаю: вот завтра я надену что-то такое. А завтра хватаю свитер и побежала...

— Что вы чувствуете внутри себя, когда у вас триумф? Вот 1 февраля вас будет ждать это: цветы, слова...

— В данный момент я думаю: скорей бы прошло... Юбилей есть юбилей. Я понимаю, что люди не придут говорить, какая ужасная. Конечно, будут говорить, какая хорошая. Мне приятно, когда делают комплименты, когда хорошо говорят...

— Жемчужина русского балета...

— Жемчужина или бриллиант — я к этому отношусь спокойно. Когда я танцевала, это было даже необходимо. Тогда я чувствовала, что, значит, это кому-то нужно, значит, этим нужно заниматься. Но в то же время я знала, что есть люди, которые говорили: Максимовна не состоялась как балерина, не получилось из нее ничего.

— Что вы думали, когда слышали это?

— Ничего. Так же, когда говорили обратное. Я же не могла почувствовать, что вот, ах, я стала великой. Не чувствовала я себя великой. Я очень земной человек.

— То есть никакого ощущения, что вы пролетели по жизни, по сцене, оставив за собой такой след, как комета?..

— Никуда я не пролетела. Нет, я надеюсь, что какой-то след оставила. Но сказать, что я должна этим гордиться... Это нормально. То, что я делала, на что я положила свою жизнь, на что затратила так много сил, нервов — узнать, что это никому не было нужно, конечно, это было бы ужасно. Но понимаете, профессия — это профессия, а в жизни я нормальный человек, у меня такие же обязанности, такие же проблемы, у меня есть дом, у меня есть муж, у меня есть мама, у меня есть друзья, в доме та же пыль, надо есть, для этого надо сходить в магазин, что-то купить... И от того, что я балерина Екатерина Максимовна, народная артистка, этих проблем не становится меньше. Или я так воспитана, или я такого склада человек, я не могу это ни на кого сбрасывать. Я не считаю, что я могу сказать: ах, я вот Максимовна, делайте это за меня. Я все делаю сама.

— И все-таки про момент торжества. Что являлось самым-самым, где это было?

— (Смеется.) В танце, на сцене конечно. Перед выходом на сцену я безумно волновалась. Каждый раз. Все казалось, это пройдет, а нет — чем дальше, чем больше признания, славы что ли, тем больше волнения. Волновалась всю жизнь, и очень сильно. Иногда, стоя за кулисами, просто умирала и думала: ну зачем мне это надо, стояла бы я там, у фонтана. Нет — иди туда, на центр. Зачем? Не пойду... Но это все за кулисами. У артиста есть вот этот шаг на сцену — и проваливаешься, уже никаких мыслей, они все ушли, и тогда... (Показывает пальцами.) Я делала то, что я могла, как я чувствовала, то, что у меня в душе было заложено.

Когда пришел Владимир Васильев, попросила его помочь с определением: «Вот раньше Катя была сорванец, а теперь кто?» Он помолчал несколько секунд и сказал: «Маленькая великая женщина».